

ПРОЦЕСС «20-ти»

Процесс «20-ти» был самым представительным из всех (более чем 80) судебных процессов над членами героической партии «Народная воля»: суду были преданы 11 членов¹ и 9 агентов² первого состава Исполнительного комитета, который современники называли «Великим ИК». Среди них выделялись такие корифеи «Народной воли», как: А. Д. Михайлов – идеальный конспиратор, один из лучших организаторов и главный администратор партии, который во все вникал, всему давал ход, все оберегал и даже, по признанию ренегата Л. А. Тихомирова, «мог бы, при иной обстановке, быть министром»³, а пока за неусыпные заботы о порядке в революционном подполье получил от товарищей кличку «Дворник»⁴; Н. А. Морозов – редактор центрального органа партии, энциклопедически образованный публицист и ученый, который лично информировал о народовольческих делах К. Маркса⁵, а впоследствии стал почетным членом АН СССР; Н. Е. Суханов – глава Военной организации «Народной воли», человек столь исключительного мужества, благородства и обаяния, что Вера Фигнер сказала о нем: «Счастлива та партия, к которой пристают Сухановы!»⁶; М. Ф. Фроленко – образцовый народоволец-практик, артистически выполнивший самые трудные и рискованные поручения, удивляя при этом даже своих товарищей предприимчивостью, отвагой, самообладанием; Н. В. Клеточников – первый контрразведчик русской революции, который был заслан народовольцами в «святая святых» царского сыска (Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии) и больше

¹ А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, Н. Е. Суханов, М. Ф. Фроленко, Н. Н. Колодкевич, А. И. Баранников, Г. П. Исаев, М. Н. Тригони, Т. И. Лебедева, А. В. Якимова, М. В. Ланганс.

² Н. В. Клеточников, Л. Д. Терентьева, Л. С. Златопольский, М. В. Тетёрка, И. П. Емельянов, А. Б. Арончик, Г. М. Фридленсон, Ф. О. Люстиг, В. А. Меркулов. В обвинительном акте фигурировали также народовольцы Е. Н. Оловенникова и П. В. Тычинин, которые не были привлечены к суду по болезни. Поэтому современники говорили о процессе «22-х».

³ Тихомиров Л. А. Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 94.

⁴ Н. К. Крупская вспоминала о В. И. Ленине: «Вообще у него чувствовалась хорошая народовольческая выучка. Недаром он с таким уважением говорил о старом народовольце Михайлове, получившем за свою конспиративную выдержку кличку «Дворник» (см.: Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. М., 1968. Т. 1. С. 228).

⁵ См.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 318.

⁶ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 239.

двух лет служил там революционному подполью щитом и громоотводом, обезвреживая полицейские козни.

В обвинительном акте все подсудимые по делу «20-ти» (как, впрочем, и вся их партия) изображались почти исключительно террористами: из 12 его пунктов в 11-ти инкриминировались обвиняемым террористические акты, включая 8 покушений на царя⁷. Здесь уместно сказать, что и поныне иные историки отождествляют деятельность «Народной воли» целиком или большей частью с террором⁸. Между тем специальные исследования доказывают, что террор не только не исчерпывал собою деятельности «Народной воли», но и не занимал ни в ее программе, ни в практике главного места. К террору прибегала очень малая часть сил партии: Исполнительный комитет плюс полтора десятка рядовых боевиков, известных нам поименно. Но тот же Исполнительный комитет и вся подведомственная ему многоотраслевая, невиданная до тех пор в России по масштабам и моши сеть революционных организаций (не менее 80–90 местных, 100–120 рабочих, 50 военных, 30–40 студенческих, 20–25 гимназических по всей стране от Гельсингфорса до Тифлиса и от Ревеля до Иркутска) вели активную пропагандистскую, агитационную, организаторскую деятельность во всех слоях населения⁹. Царские каратели изображали «Народную волю» «террористическим сообществом»¹⁰ отчасти по неведению о других сторонах ее деятельности, а большей частью намеренно, чтобы усугубить тяжесть обвинения в принадлежности к такому сообществу и кары за все им содеянное. Главное же, народовольцы (террористы или не террористы) были для них врагами самодержавия.

Процесс «20-ти» слушался с 9 по 15 февраля 1882 г. Тогда еще не была исчерпана сложившаяся к 1879 г. вторая революционная ситуация в России, хотя ее кульмиационная точка уже миновала (после цареубийства 1 марта 1881 г.). Царизм собирал силы для решающего контрудара и продолжал – с марта 1881 г. до июня 1882 г. – политику отступления к прямой реакции. Острием революционного натиска был тогда, по выражению Энгельса, «нож деятелей («Народной воли». – *H. T.*), приставленный к горлу правительства...»¹¹. Как раз в дни процесса «20-ти» Энгельс писал о народовольцах: «В России наши товарищи превратили царя прямотаки в пленника, дезорганизовали правительство... Словом, это такая чудесная революционная ситуация, какой еще не бывало»¹². В такой

⁷ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906. С. 11.

⁸ Левандовский А. А. Бомбисты // Родина. 1996. № 4; Кан Г. С. «Народная воля». Идеология и лидеры. М., 1997; История России. С начала XVIII до конца XIX в. М., 2000. Гл. 21 (автор главы – П. Н. Зырянов).

⁹ Подробно см.: Троицкий Н. А. Безумство храбрых. М., 1978. Гл. 3.

¹⁰ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 11.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.36. С. 105.

¹² Там же. Т.35. С. 234.

обстановке царизм судил главных, самых опасных своих врагов. Разумеется, он стремился покарать их как можно беспощаднее – виселицей и каторгой. Но, с другой стороны, учитывая силу антиправительственного возбуждения в стране и еще не обретя должной устойчивости, он вынужден был соблюдать хотя бы видимость правосудия.

Судебные уставы 1864 г. царизм к 1882 г. в значительной мере изуродовал еще в 1871 г.: передал дознание по политическим делам в руки жандармов; в 1872 г. учредил для разбирательства этих дел холопски зависимое от правительства и палачески жестокое к подсудимым Особое присутствие Правительствующего сената; в 1878–1879 гг. частично военизировал свою судебно-карательную систему, а по так называемому Положению об охране от 14 июня 1881 г. свел до минимума публичность и гласность судопроизводства на политических процессах.

Дело «20-ти» слушалось в Особом присутствии Сената при закрытых дверях, под усиленной охраной¹³. Публику составляли лишь сановные особы (фактический глава правительства Н. П. Игнатьев, министр юстиции Д. Н. Набоков, князь П. П. Демидов Сан-Донато и др.), три-четыре близких родственника подсудимых и редактор «Правительственного вестника» Г. П. Данилевский – известный писатель, автор исторических романов «Мирович», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва». Печатать не только отчет о процессе, но и вообще какие-либо сведения о нем, кроме официальной информации в «Правительственном вестнике», было запрещено.

Сенаторы теперь норовили лишить подсудимых даже такой крайне стесненной возможности защищаться, какая годом ранее была предоставлена судившимся по делу 1 марта цареубийцам. Председательствовал здесь первоприсутствующий сенатор П. А. Дейер – «безобразный гном»¹⁴, в тщедушном тельце которого невесть как умелись исполинские ресурсы желчи и ненависти к революционерам, тот самый Дейер, который до процесса «20-ти» судил одиозного «нигилиста» Нечаева, а после – народовольца Александра Ульянова и эсера Ивана Каляева. Прокурором был Н. В. Муравьев. Друг детства Софьи Перовской(!), он впервые громко заявил о себе именно на процессе цареубийц, где с изуверским вдохновением требовал для Перовской и всех ее товарищей виселицы. В десятом из «Писем к тетеньке» М. Е. Салтыкова-Щедрина сатирически изображен «надворный советник Сеничка», мастер

---

¹³ «Вводят подсудимых, каждого между двумя жандармами, – читаем в записи очевидца. – Кроме того, в зале их ожидает еще внушительный караул, полиция, жандармы, даже казаки. Недостает только артиллерии!» (см.: Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 58).

¹⁴ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 217.

«щипать людскую корпию», хватать и судить хотя бы и случайно попавшихся («на то война-с!»)¹⁵. Внимательным современникам мудрено было бы не узнать в «Сеничке» надворного советника Муравьева, который в феврале 1882 г., когда печаталось деятое «Письмо к тетеньке», вновь азартно «щипал людскую корпию» на процессе «20-ти». Позднее (при Николае II) он был уже министром юстиции¹⁶.

И судьи, и прокурор вели процесс «20-ти» с подчеркнутой наглостью. Дейер откровенно злобствовал, часто прерывал обвиняемых, а то и лишал их слова; Муравьев изошёлся в оскорблении. Узнав, что подсудимый М. В. Тетёрка – рабочий, Дейер стал язвить: «Какой же работой ты занимался?» – «Всякой работой, какой придется». – «А убивать можешь?» Тетёрка ответил спокойно: «Я еще, собственно, никого не убил». Когда подсудимый Г. П. Исаев заявил, что его в канцелярии градоначальника били, прокурор рассмеялся, а первоприсутствующий под смех прокурора прикрикнул на Исаева: «Это к делу не относится!»¹⁷. «Вертеп палачей» – так назвал это судилище А. Д. Михайлов¹⁸.

Палаческий тон задал процессу «20-ти» сам царь Александр III, который не просто поощрял, а как бы подзадоривал в самых циничных формах жестокость и произвол карателей. Так, на докладе о допросах Г. П. Исаева с повторяющимся, словно рефрен, уведомлением «никаких объяснений давать не желает», он пометил: «Надеюсь, что эту скотину заставят говорить»¹⁹.

Сенаторы из Особого присутствия играли роль судей, но прежде всего они были чиновниками, состоявшими на службе у царского правительства. Карательным инстинктом они сознавали, что перед ними на скамье подсудимых – опаснейшие враги, и хотя как судьи они должны были бы проверить юридическую доказательность каждого обвинения, их как чиновников юридическая сторона дела интересовала лишь формально. Правда, непременными членами такого суда были, в дополнение к сенаторам, и так называемые сословные представители (губернский и уездный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина), но они старались только ни в чем не мешать чинам Сената. «Как известно, – писал о них в 1901 г. В. И. Ленин, – эти сословные представители, слитые в одну коллегию с судьями-чиновниками, представляют из себя безгласных статистов, играют жалкую роль понятых,

¹⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Л., 1936. Т. 14. С. 50, 431, 433.

¹⁶ В личном архиве А. Ф. Кони сохранился конверт с газетными вырезками о жизни и смерти Н. В. Муравьева. На конверте рукой Кони написано: «Мерзавец Муравьев» (ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 441).

¹⁷ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 64, 92, 96.

¹⁸ Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933. С. 216.

¹⁹ ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 537, л. 1.

рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чиновникам...»²⁰. Что касается Н. В. Муравьева, то он делал тогда карьеру, «грыз удила, как скаковой жеребец, поставленный в оглобли закона»²¹, и ради карательного эффекта обходил или преступал любые формальности. Обвинительный акт по делу «20-ти» он смонтировал главным образом из предательских показаний В. А. Меркулова – малограмотного рабочего, который не блистал ни умственно, ни нравственно и был принят народовольцами в партию, очевидно, по недостатку в людях (особенно «из народа»). Показания эти изобиловали клеветническими домыслами и несообразностями, но прокурор охотно полагался на них, хотя бы потому, что они позволяли обвинять народовольцев (искусных конспираторов) «документально» и не злоупотреблять обычным среди царских обвинителей способом, который адвокат А. И. Урусов определил так: «Данных нет, улик нет, надо прибегнуть к соображениям»²².

Обвиняемые по делу «20-ти» решительно оспаривали утрирование их террора – не потому, что старались смягчить свою вину и судебную кару, а в интересах исторической справедливости. Кроме Меркулова, каждый из них заботился отнюдь не о самом себе. Честь партии, которую они защищали, демонстрация ее идеалов, дел и людей на царском суде, но перед судом истории в истинном свете – вот что было их общей и главной заботой. Даже прокурор Муравьев оценил это: «Им надо отдать дань уважения, – они и в последнюю минуту расчета с правосудием думают не о своей личности, а об интересах сообщества, к которому принадлежат»²³.

Вообще народовольцы ко времени процесса «20-ти» имели уже большой опыт и своеобразный кодекс поведения на суде, который предписывал им блюсти партийную и революционную этику, но не регламентировал их тактику. Сама жизнь подсказывала народовольцам различные способы поведения без ущерба для революционного достоинства партии. В зависимости от характера и доказуемости обвинения, меры процессуальных ограничений, а также от прочих условий они либо признавали себя членами партии, но отказывались от каких бы то ни было показаний (как это делали на процессе «20-ти» Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, А. В. Якимова), либо – в тех случаях, когда обвинению недоставало улик, – отрицали даже свою принадлежность к партии (так поступали М. В. Ланганс, Л. С. Златопольский, А. Б. Арончик)²⁴, но чаще всего открыто (даже в

---

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.4. С. 407.

²¹ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 318.

²² Правительственный вестник. 1871. 12 июля. С. 5.

²³ Цит. по : Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933. С. 211.

²⁴ Те и другие действовали согласно требованиям народовольческого устава. Между прочим устав обязывал членов Исполнительного комитета называть себя после ареста не членами («Комитет должен быть невидим и недосягаем»), а

нарушение устава, если удавалась революционная демонстрация перед судом) провозглашали себя членами партии и мотивировали ее требования. Так вели себя в деле «20-ти» А. Д. Михайлов, Н. Е. Суханов, Н. Н. Колодкевич, Г. П. Исаев, А. И. Баранников, Т. И. Лебедева, М. Н. Тригони, Л. Д. Терентьева.

Все они подчеркивали, что «Народная воля» – это не «террористическое сообщество», не «шайка убийц», как называл ее прокурор, а политическая партия, борющаяся за «народоправление, переход верховной власти в руки народа»²⁵. По настоюнию защиты на процессе «20-ти» было оглашено историческое «Письмо Исполнительного комитета Александру III» от 10 марта 1881 г., которое высоко ценили Маркс, Энгельс и Ленин²⁶. «Письмо» ставило царизм перед выбором: «или революция, совершенно неизбежная, ...или добровольное обращение верховной власти к народу», «общая амнистия» по всем политическим делам и созыв Учредительного собрания с «полной свободой» слова, печати, сходок, избирательных программ²⁷. В согласии с этим документом подсудимые на процессе «20-ти» провозглашали от имени своей партии демократические, а не социалистические требования. Они считали, что политический переворот в России – первоочередная и реальная задача, которая к тому же делает «Народную волю» центром притяжения для широких слоев общества. Естественно, что со скамьи подсудимых в условиях какой-то, хотя бы и весьма ограниченной, гласности и в расчете на гласность они обосновывали главным образом именно эту задачу, но отнюдь не скрывали и своих социалистических убеждений, тем самым давая понять, что их демократическая программа есть программа социалистов. Такая тактика была наиболее целесообразной, ибо она ставила в порядок дня действительно назревшие в России буржуазно-демократические преобразования, временно отодвигая на второй план социалистические требования, явившиеся тогда чистой утопией. «Все отдаленное, все недостижимое,— читаем в конспиративном письме А. Д. Михайлова с процесса «20-ти»,— должно быть на время отброшено»²⁸.

Что касается средств борьбы, то подсудимые указывали на их многообразие в арсенале «Народной воли». «Средствами, — объяснял А. Д. Михайлов, — признаны были: пропаганда партийных идей, агитация среди рабочих и народа, разрушительная террористическая

только агентами комитета. Это требование все члены комитета выполняли неукоснительно.

²⁵ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 68, 86–87, 93, 96, 99; РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 389, конв. 3. Л. 1–4.

²⁶ Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 202; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 56.

²⁷ Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сб. документов и материалов: В 2 т. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 194, 195.

²⁸ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 217.

деятельность, удаление более вредных для народа людей, организация тайных обществ вокруг одного центра, усиление связей в обществе, войске, народе, организация и совершение переворота при достижении обществом известной силы»²⁹. Признавая «красный» террор не единственным и не главным, а лишь одним из многих средств борьбы, народовольцы подчеркивали его обусловленность. А. Д. Михайлов выразился таким образом: «Когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки»³⁰. О том же говорили на процессе «20-ти» Н. Е. Суханов, Т. И. Лебедева, Г. П. Исаев. Все они так или иначе подтверждали вывод, который афористически сформулировал на первом же крупном процессе «Народной воли» (по делу «16-ти», в октябре 1880 г.) один из основателей партии С. Г. Ширяев: ««Красный» террор Исполнительного комитета был лишь ответом на «белый» террор правительства. Не будь последнего, не было бы и первого»³¹.

Царизм народовольцы объявляли ответственным и за возможное обострение национального кризиса. На процессе «20-ти» об этом стал говорить Г. П. Исаев, но суд лишил его слова. Исаев, однако, сумел передать на волю текст своей речи, который был гектографирован и ходил по рукам. В нем сказано, что если царизм отвергнет «скромные требования партии», изложенные в «Письме Исполнительного комитета Александру III», то «ударит час, и он уже близко, когда кровь, вместо того, чтобы литься по каплям, как это было до сих пор с той и другой стороны, прольется ручьями... Но кто будет в ответе за это?»³². Н. Н. Колодкевич в показаниях на следствии, а Н. Е. Суханов, Т. И. Лебедева, А. Д. Михайлов прямо со скамьи подсудимых предрекали неизбежность победы революции, доказывая, что по мере того как царизм тщится искоренить «крамолу», она наперекор всем репрессиям вовлекает в себя все больше и больше людей. «Если не изменятся наши порядки, – говорил Суханов, обращаясь к судьям, – то на этой скамье подсудимых часто будут сидеть и ваши, господа, дети – дети лиц обеспеченных, дети, получившие самое строгое и нравственное воспитание»³³.

Юридической стороной судебного разбирательства народовольцы всегда, и на процессе «20-ти» в частности интересовались мало. Во-первых, они отвергали законность царского судопроизводства в принципе, а, кроме того, видели, что по отношению к ним царизм попирает и существующую законность, – видели и при случае разоблачали это со скамьи подсудимых. «Где же залог

---

²⁹ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 87.

³⁰ Цит. по: Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов. М.; Л., 1925. С. 157.

³¹ Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906. С. 227.

³² РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 389, конв. 3, л. 4.

³³ Там же. Д. 391, л. 10.

беспристрастного правосудия? – допрашивал судей А. Д. Михайлов. – Где посредник, к которому мы могли бы апеллировать? Где общество, где гласность, которая могла бы выяснить отношения враждующих? Их нет, и двери закрыты. И мы с вами, господа судьи, наедине?»³⁴. Понимая, что юридическая полемика с обвинением в таких условиях бесплодна, подсудимые почти не прибегали к ней, хотя иной раз и ставили царских юристов в неловкое положение. Когда, например, П. А. Дейер, злоупотреблявший ссылками на показания умерших или даже казненных свидетелей, попытался запутать подсудимого И. П. Емельянова подтасованными «свидетельскими» показаниями Н. И. Кибальчича и Н. И. Рысакова, Емельянов предложил вызвать свидетелей в суд для допроса. «Они не могут быть приведены: они повешены!» – всхлипнул Дейер. Емельянов отпарировал: «Это не я их вешал!»³⁵.

Кроме Меркулова, все подсудимые на процессе «20-ти» держались мужественно, хотя иные из них – и недостаточно активно. «Некоторая пассивность, – отметил А. Д. Михайлов в письме к друзьям, – выражалась в безучастном отношении к суду, в нежелании объясняться с ним»³⁶. Но и те из подсудимых, кто не проявлял на процессе революционной активности, сохраняли стойкость и верность своей партии, тем самым поддерживая ее авторитет в ущерб авторитету царизма. Так, контрразведчик «Народной воли» Н. В. Клеточников, показавший на дознании, сразу после ареста (из боязни жандармского самосуда), что он помогал революционерам за деньги, на суде нашел в себе силы загладить свою вину перед товарищами и постоять за чистоту знамени, которому служил. Со скамьи подсудимых перед «вертепом палачей» он обвинял Третье отделение и наследовавший ему Департамент полиции как «отвратительное учреждение». «Вы не можете себе представить, что это за люди! – говорил Клеточников об агентах и чиновниках Третьего отделения, – Они готовы за деньги отца родного продать, выдумать на человека какую угодно небылицу, лишь бы написать донос и получить награду». «Я, – заявил он, – решился проникнуть в это отвратительное учреждение, чтобы парализовать его деятельность...». Здесь П. А. Дейер прервал объяснения Клеточникова и, чтобы сбить его на другой тон, вступил с ним в диалог, привлекший к себе общее внимание.

«Председатель (с иронией): Кому же вы служили? Этому отвратительному учреждению (Набоков в волнении встает) ..., т. е., по вашим словам, отвратительному, или кому-нибудь другому?

Клеточников: Я служил обществу.

---

³⁴ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 72.

³⁵ Бурцев В. Л. Процесс 20-ти // Былое (Лондон). [1902]. № 2. С. 120.

³⁶ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 200.

Председатель (с иронией): Какому же такому обществу? Тайному или явному?

Клеточников: Я служил русскому обществу, всей благомыслящей России».

Тогда Дейер сделал заранее отрепетированный выпад, который должен был сразить подсудимого: «Сколько платили вам революционеры за информацию?» Клеточников твердо ответил: «Нисколько». Дейер вскинул: «На дознании вы показали, что брали от революционеров деньги!» Клеточников объяснил: «На дознании я находился совсем в исключительных условиях, не таких, в каких обыкновенно находятся обвиняемые хотя бы и в политических преступлениях. Я находился под тяжелым давлением. Я был весь в руках своего начальства, всемогущего, озлобленного за то, что я так жестоко его обманул. В таком положении можно было и не то наговорить. На самом же деле я действовал, глубоко убежденный в том, что все общество, вся благомыслящая Россия будут мне благодарны за то, что я подрывал деятельность Третьего отделения»³⁷.

К самым мужественным из подсудимых относились женщины процесса «20-ти». Все они были безупречно стойкими, а Т. И. Лебедева (жена М. Ф. Фроленко, прототип Тани Репиной в романе С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов») – и очень активной: приветствовала грядущую революцию и оправдывала цареубийство, подчеркивая, что она «вполне сознательно и совершенно добровольно принимала в нем участие»³⁸. А. Д. Михайлов так писал друзьям из тюрьмы о женщинах своего процесса: «Терентьева – розовый бутон, невинный и свежий, но беспощадно колющий своими шипами враждебную, бесцеремонную руку. Лебедева – сильная, решительная и самоотверженная натура. Якимова – простой цельный человек, до конца отдавшийся делу»³⁹.

Отщепенец и предатель Меркулов тщетно старался очернить бывших своих товарищих в глазах суда и главное перед общественным мнением, которое узнавало о процессе из официальных и нелегальных источников, а также по слухам. Он «свидетельствовал», будто народовольцы «всеми путями старались привлечь рабочих и простолюдинов к участию в предприятиях партии; с этой целью для них устраивали пирушки, угостили водкой, давали денег, приглашали женщин и т.п.»⁴⁰. Боясь своих сопроцессников, Меркулов перед началом суда даже подал на имя прокурора особое прошение о том, чтобы на суде «во время перерывов» (когда подсудимые ведут себя свободнее) его не сажали рядом с другими подсудимыми. Это ему не помогло. Подсудимый М. В. Тетёрка (тоже рабочий), энергично

---

³⁷ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 62–63.

³⁸ Там же. С. 102.

³⁹ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 204.

⁴⁰ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 81.

опровергнув инсинуации предателя, заклеймил его прямо на заседании суда увесистой пощечиной⁴¹.

Этот поступок Тетёрки символически обозначил целую пропасть между Меркуловым и остальными девятнадцатью подсудимыми. Таких бойцов, как А. Д. Михайлов и Н. Е. Суханов, М. В. Фроленко и А. И. Баранников, Т. И. Лебедева и Н. Н. Колодкевич, ничто не могло ни сломать, ни устрашить, – даже смертная казнь. Идя на смерть, они не жалели о своей судьбе, а напротив, гордились ею. Михайлов так и написал родным перед объявлением ему неизбежно-смертного приговора: «Прекрасна смерть в сражении!»⁴². Баранников после суда писал друзьям, оставшимся на воле: «С глубокой верой в свое святое дело, с твердым убеждением в его близком торжестве, с полным сознанием, что по мере слабых своих сил служил ему, схожу со сцены... Живите и торжествуйте! Мы торжествуем и умираем»⁴³. Столь самоотверженная преданность революционному делу и вера в его грядущее торжество позволяли народовольцам и перед лицом смерти не беспокоиться о себе лично. «Насчет себя, – читаем в перехваченной записке Н. Е. Суханова из тюрьмы к товарищу, – я совершенно спокоен. Тут праздников уже не приходится ждать никаких: повесят и все тут, да на то и пошел». Зато о деле своем, о партии тот же Суханов, как и другие народовольцы, и перед смертью хотел узнать как можно больше, волнуясь за исход борьбы, которой он сам отдал все силы. «Спасибо за новости, – радовался он в цитированной записке. – Насчет Киева – очень хорошо. Идет волной, когда-то придет девятый вал?»⁴⁴.

Именно идея революции, осознанная и взятая на вооружение, была источником мужества героев процесса «20-ти». Более того, она давала тогда, по словам А. Д. Михайлова, «десяткам людей силу бороться с обладателями десятков миллионов подданных, миллионов штыков и верных слуг. Но тут уже сталкивались не человек с человеком, не слабый с сильным, а воплощенная идея с материальной силой. В таких случаях совокупность физических сил и их громадность теряют всякое значение: идея их разделяет, парализует своей неуловимостью, приводит к индивидуальному их содержанию. Люди «Народной воли», как самая их идея, не знают страха и преград»⁴⁵. Это народовольцы и доказывали на процессе «20-ти», превращая скамью подсудимых в политическую трибуну, а самий процесс – в акт революционной борьбы. Помогала им в этом защита.

---

⁴¹ Там же. С. 81, 120; Фроленко М. Ф. Процесс «20-ти» // Собр. соч.: В 2 т. М., 1932. Т. 2. С. 143.

⁴² Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 199.

⁴³ Народоволец А. И. Баранников в его письмах. М., 1935. С. 133.

⁴⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 82, д. 9124, л. 5–5 об.

⁴⁵ Цит. по: Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов. С. 136.

Зашитниками по делу «20-ти» выступали 16 присяжных поверенных (в том числе такие звезды русской адвокатуры, как В. Д. Спасович, П. А. Александров, В. Н. Герард, Е. И. Кедрин, А. Н. Турчанинов) и помощник присяжного поверенного Е. Ф. Королев. Никто из них не был революционером, но почти все находились в либеральной оппозиции к самодержавию. Держались они, несмотря на притеснения со стороны суда и прокурора, смело, отчасти даже солидарно с подсудимыми. Прежде всего защита отстаивала свои процессуальные права и на первом же заседании суда выиграла острую схватку с первоприсутствующим, который запретил адвокатам встречаться с их клиентами во время судебного разбирательства. Когда адвокаты выразили протест, сославшись на то, что ст. 569 Устава уголовного судопроизводства не запрещает им «объясняться наедине с подсудимыми, содержащимися под стражею», ни до, ни во время суда⁴⁶, П. А. Дейер объявил, что ст. 569 можно толковать и применительно лишь ко времени до суда, а потом добавил: «Вызвано же мое распоряжение слухом, дошедшем до меня о том, что присяжные поверенные при своих свиданиях с подсудимыми сообщают им о том, что происходит на суде в их отсутствие. Находя подобные действия неблаговидными, я для сохранения чести сословия присяжных поверенных и притом, стоя, как я уже сказал, на законной почве, и сделал указанное распоряжение». Дейер еще не окончил монолога, когда поднялся присяжный поверенный Герард. «Я, г. первоприсутствующий, – заявил он, – всю жизнь свою забочусь о сохранении чести нашего сословия. Она мне, конечно, гораздо ближе, чем вам. Поэтому я и позволю себе сказать несколько слов. Меня крайне удивляет прежде всего, каким образом до первоприсутствующего могли дойти слухи о том, что говорят присяжные поверенные с подсудимыми. Ведь свидания эти происходят наедине...». Дейер стал в тупик и вынужден был отменить свое распоряжение⁴⁷.

Понимая, что «суд защищен двойной броней как от юридических доводов защиты, так и от возвзвания к чувству человечности» (по выражению В. Д. Спасовича), адвокаты на процессе «20-ти» акцентировали не столько юридическую, сколько политическую сторону дела, а именно тщетность карательного террора. Е. Ф. Королев и С. С. Соколов прямо говорили, что избранный царизмом «путь твердости и суровых мер оказался негодным»⁴⁸, причем Королев после ряда замечаний от первоприсутствующего «был судебным приставом выведен из залы суда»⁴⁹. Е. И. Кедрин предостерегал «верхи» от смертных приговоров по политическим делам, указав на

---

⁴⁶ Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1883. С. 96.

⁴⁷ См.: Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 75, 79.

⁴⁸ РГИА, ф. 1410, оп. 1, д.373, л. 14 об.

⁴⁹ Бурцев В. Л. Процесс 20-ти // Былое (Лондон). [1902]. № 2. С. 125.

то, что «кровь смывается кровью» (здесь первоприсутствующий оборвал речь адвоката)⁵⁰.

Конечно, адвокаты не могли открыто вступиться за политические убеждения подсудимых (в чем, кстати, и не было надобности, поскольку сами подсудимые бесстрашно отстаивали свои убеждения). Но они смело, а зачастую и вдохновенно, превозносили моральные качества своих подзащитных, привлекая к ним симпатии общества⁵¹. Спасович подчеркивал, что необходимо смотреть на подсудимых не только со стороны нарушения закона, но и со стороны нравственной: «Конечно, не с точки зрения нравственности Департамента государственной полиции, а нравственности общечеловеческой»⁵². «Политические дела, – гордо заявил П. А. Александров, – не из таких, о которых мог бы замарать свои руки адвокат»⁵³.

Обвиняемые по делу «20-ти» тепло отзывались о своих адвокатах. «Как блестяще защищал Спасович Тригони, Александров – Емельянова и многие другие! – писал А. Д. Михайлов товарищам на волю сразу после суда. – После их блестящих речей ничего не хотелось говорить». Своему защитнику Е. И. Кедрину Михайлов написал, месяц спустя, из Петропавловской крепости: «Вы сделали все, что могли... До последнего момента жизни буду с самой горячей признательностью вспоминать о вас»⁵⁴. Кедрин, со своей стороны, в письме к отцу Михайлова от 23 марта 1882 г. преклонился перед «светлым нравственным образом» своего подзащитного, перед «его умом и характером», «мужеством, энергией и непоколебимой твердостью воли»⁵⁵.

15 февраля 1882 г. суд объявил приговор: 10 человек (Михайлов, Суханов, Фроленко, Колодкевич, Исаев, Лебедева, Клеточников, Тетёрка, Якимова, Емельянов) – к смертной казни через повешение; 5 (Морозов, Баранников, Ланганс, Арончик, Меркулов) – к вечной каторге и еще 5 (Тригони, Терентьева, Златопольский, Фриденсон, Люстиг) – к различным срокам каторжных работ, вплоть до 20 лет. Меркулов, которого посадили на скамью подсудимых для вида, милостью царя был освобожден от всякого наказания, а 10 приговоренных к виселице больше 4 недель ждали исполнения приговора в камерах смертников. Вместе с Якимовой все это время содержался в такой камере ее 4-месячный сын (от гражданского брака с Лангансом)⁵⁶.

⁵⁰ РГИА, ф. 1410, оп. 1. д. 373, л. 14.

⁵¹ С чувством особой симпатии говорил на суде о «благородной натуре» Н. Е. Суханова его защитник С. С. Соколов (см.: РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 373, л. 14 об.).

⁵² Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 186.

⁵³ РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 428, л. 31.

⁵⁴ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 210–211, 261–263.

⁵⁵ Цит. по: Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов. С. 76.

⁵⁶ Сергеев В. Д. А. В. Якимова. Киров, 1970. С. 111–112.

Троє из осужденных, которые обвинялись без достаточных улик, после суда подали прошения на имя царя: Фриденсон – «о помиловании», Арончик и Люстиг – о смягчении наказания. Такой, хотя и юридически оправданный, шаг был не в правилах народовольцев. Просил о смягчении наказания и Суханов, однако его прошение так оговорено (по просьбе и «ради просьбы матери») и столь сдержанно по тону (ни слова раскаяния), что оно, как и поданное 5 лет спустя, тоже ради матери, прошение Александра Ульянова, не пятнает репутацию подсудимого.

Тем временем русская и европейская общественность тревожилась за судьбу жертв процесса «20-ти». «Что о приговоренных? – писал родным 4 марта 1882 г. Лев Толстой. – Не выходят у меня из головы и сердца. И мучает, и негодованье поднимается, самое мучительное чувство»⁵⁷. Пресса Европы осуждала каннибальский приговор по делу «20-ти». Возмущались и социалистические органы, как женевский «Revolté», и радикально-буржуазные, как миланский «Il Secolo», и даже консервативные, вроде лондонских «Таймс» и «Дейли Ньюс». Патриарх европейской литературы Виктор Гюго обратился к правительствам и народам с «Призывом», который был опубликован в газетах разных стран и распространялся в списках по России. «Цивилизация должна вмешаться! – требовал Гюго. – Сейчас перед нами беспредельная тьма, среди этого мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!), обреченные на смерть... Пусть русское правительство поостережется!... Оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!»⁵⁸.

Царизм вынужден был уступить. 17 марта Александр III заменил виселицу пожизненной каторгой 9 смертникам, и только Николай Суханов как офицер (лейтенант флота), изменивший присяге, 19 марта был расстрелян. Военно-морской министр адмирал И. А. Шестаков записал в своем дневнике: «Суханов вел себя с достоинством. Мертвые сраму не имут»⁵⁹. Все «помилованные» царем смертники, а также «вечники», как называли тогда осужденных на вечную каторгу, были замурованы без срока в одиночные казематы Петропавловской (с 1884 г.– Шлиссельбургской) крепости. Там они большей частью погибли уже в первые 6 лет⁶⁰. Не зря об Александре III говорили, что он заменял смертную казнь через повешение смертной же казнью через пожизненное одиночное

---

⁵⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., М. 1938. Т. 83. С. 326.

⁵⁸ Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 15. С. 684.

⁵⁹ РГА ВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 1, л. 17.

⁶⁰ В 1882 г. умерла Терентьева; в 1883 г. – Клеточников, Баранников, Ланганс, Тетёрка; в 1884 г. – Михайлов и Колодкевич; в 1886 г. – Исаев; в 1888 г. – Арончик. В 1887 г. умерла и Лебедева на Каийской каторге, куда она была переведена в 1884 г. из Петропавловской крепости.

заключение. Только трое из жертв процесса «20-ти» – Н. А. Морозов, М. В. Фроленко и А. В. Якимова – дожили до падения царизма. Все они приветствовали обе революции 1917 г. с надеждой на то, что восторжествуют их социалистические идеи. Фроленко умер в 1938 г., Якимова – в 1942, а Морозов (последним из народовольцев) – 30 июля 1946 г., на 93-м году жизни.

Процесс «20-ти» был многозначащим эпизодом русского освободительного движения. Политические процессы в России 1879–1882 гг., т.е. времени второй революционной ситуации, почти все отличались героическими схватками плененных борцов с карательной мощью самодержавия. Процесс «20-ти» достойно увенчал этот ряд процессов. Выступления его героев со скамьи подсудимых и документы, которые они сумели передать на волю (особенно «Завещание» А. Д. Михайлова от 16 февраля 1882 г.)⁶¹, стали действенным оружием борьбы против самодержавия. Правда, эта борьба велась тогда еще под знаменем утопического, крестьянского социализма, но служила необходимым предшествием социал-демократии. На процессе «20-ти» судились ведущие деятели «Народной воли», которые очень помогли своей партии поднять авторитет русского освободительного движения именно в 1879–1882 гг. на небывалую ранее высоту. Как раз в день открытия процесса, 5 февраля 1882 г., увидел свет № 8–9 нелегальной газеты «Народная воля», где впервые было опубликовано предисловие Маркса и Энгельса ко 2-му русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» с такими словами: «...Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»⁶².

---

⁶¹ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 239-240. Первыми словами «Завещания» названа книга об А. Д. Михайлова в серии «Пламенные революционеры» (см.: Давыдов Ю. Завещаю вам, братья... Повесть об Александре Михайловой. 2-е изд. М., 1975).

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 305.